

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. Л. КОВШОВА
(Москва)

ФОЛЬКЛОРНЫЙ «СЛОЙ» В КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Специфика фразеологизма как языкового знака, исследование его особой культурной, знаковой функции, культурная семантика фразеологизма — эти и другие связанные между собой вопросы оказались в центре внимания новой области науки — лингвокультурологии.

Современная лингвистика обращена к комплексному исследованию языкового знака, находящегося на пересечении двух областей — языка и культуры. Краеугольным камнем, положенным в основу нового направления, стала идея культурной семантики, впервые сформулированная Н. И. и С. М. Толстыми. Учеными была высказана мысль о том, что «современная лексическая семантика в своем стремлении наиболее полно очертить сферу значения отдельного слова приходит к необходимости, помимо собственно лексической семантики <...>, описать коннотативную семантику, т. е. область “надстраивающихся” над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и т. п. “созначений”» [Толстой, Толстая 1993, 162]. По мнению Н. И. и С. М. Толстых, особые символические значения (культурная семантика) «надстраиваются над всеми прочими уровнями значения: собственно лексическим, лексическими коннотациями, экстралингвистическими, энциклопедическими коннотациями» [Там же, 164].

Идея о «вплетенности» (термин Н. И. и С. М. Толстых) культурной семантики в семантику языковую представляется наиболее плодотворной для лингвокультурологического анализа фразеологизмов. Это особые единицы языка, которым свойственны такие отличительные признаки, как устойчивость, воспроизводимость, образность и экспрессивность. Специфика фразеологизма как языкового знака заключается в том, что раздельнооформленные, т. е. состоящие из двух и более слов-компонентов, фразеологизмы обладают семантической слитностью, целостностью своего значения; ср.: *кот наплакал* ‘мало’; *совать палки в колеса* ‘мешать’; *семи пядей во лбу* ‘очень умный, знающий’. Полное переосмысление исходных лексических компонентов создает свойство идиоматичности, т. е. слитное значение, не выводимое из значений их компонентов: *когда рак на горе свистнет* ‘никогда’, *штаны протирать* ‘бездельничать’ и др. Среди таких фразеологизмов, или идиом, различают: 1) фразеологические сращения — их значения представляются абсолютно немотивированными (*курам на смех* ‘глупо’, *собаку съест* ‘очень хорошо знать, разбираться в чем-л.’, *лить пули* ‘лгать, привирать’); 2) фразеологические единства — их значения мотивированы лексическим значением составляющих их отдельных компонентов (*лежать на печи* ‘бездельничать’, *как собак нерезаных* ‘много’). У второго типа фразеологизмов — устойчивых сочетаний — переосмысленными являются не все компоненты: один из них сохраняет свое лексическое значение, но благодаря другому компоненту «вовлекается» в метафору и создает новое, целостное для всего устойчивого сочетания значение. Тем самым значение такого фразеологизма является расчлененным, или аналитическим: *кинуть* 113

взгляд ‘взглянуть’, *дать слово* ‘пообещать’, *найти решение* ‘решить’ и др.

Основным тропом в создании фразеологической единицы языка является метафора; она входит в значение фразеологизма как минимальная единица этого значения. Согласно В. Г. Гаку лексическое значение включает в себя определенный набор сем — категориальную архисему, родовую сему, видовую дифференцирующую сему и потенциальную сему. Метафора создается путем выведения в фокус потенциальной семы, или приписываемых тому или иному объекту качеств, признаков, например: лиса — хитрое животное; лиса — хитрый человек [Гак 1972, 151—152]. Во фразеологизмах метафора всегда находится в фокусе семантики, так как внутренняя форма данных языковых знаков имеет тропеическое, а именно метафорическое, основание. Тем самым, фразеологизмы как особые знаки языка принадлежат к области аналогического мышления: пара взаимно несопоставимых значимых элементов, между которыми устанавливаются отношения адекватности, образуют семантический троп, лежащий в основе внутренней формы любого фразеологизма.

Тропеическая природа внутренней формы фразеологизма, или его образность, определяет дальнейшую специфику фразеологического значения, которое состоит в особой, присущей всем фразеологизмам, семантической сущности — коннотации, или со-значении, дополняющей денотативное ядро семантики этого особого языкового знака. В работах В. Н. Телии, посвященных фразеологии, коннотация рассматривается как особый макрокомпонент значения: «лексическая (денотативная) часть как бы дополняется модусом для возможного высказывания. Коннотация и есть тот самый макрокомпонент значения, который включает в себя этот модус, а кроме того, еще и стилистическую информацию, выходящую за рамки сведений об обозначаемом <...> коннотация сращена с денотацией» [Телия 1985, 133]. В современной лингвистике о коннотации говорится как в узком, так и в широком смысле: ее определяют как дополнительный, добавочный смысл, закрепленный за

словом, и как неограниченный круг ассоциаций различного характера (см. например: [Скляревская 2004, 18—20]). В теории фразеологии коннотация понимается как смысл, который возникает при воспроизведении фразеологизма в речи; этот смысл берет свое начало «в эмпирическом, культурном, историческом или собственно языковом опыте, связанном либо с реальией, названной словом, либо с языковой практикой, с осознанием “духа языка”» [Телия 1985, 134].

Все сказанное составляет специфику фразеологизма как знака языка, однако при новом, лингвокультурологическом, подходе делается следующий шаг: выдвигается предположение, что фразеологизм как знак принадлежит двум семиотическим системам — культуре и языку — и обладает, помимо основной, собственно лингвистической знаковой функции, функцией культурной, что в языковую семантику фразеологизма «вплетена», по выражению Н. И. Толстого, культурная семантика (см. работы: [Телия 1996; 1999; Ковшова 2004; 2007; Гудков, Ковшова 2007]).

Основная гипотеза, которая формулируется в рамках нового направления, заключается в следующем. Образ фразеологизма воспринимается говорящим и слушающим сквозь призму культурного знания, которым они в той или иной мере владеют, и это знание содержит различные «слои», в том числе фольклорный. Последний является своего рода фундаментом культурного знания носителя языка как представителя культурно-языкового социума. В образно-поэтической системе произведений фольклора — сказках, песнях, частушках, играх, пословицах, поговорках и других жанрах — нашли свое отражение древнейшие мифологические представления, обрядовое знание, культурные запреты и ценностные ориентиры народа во всей их многомерности.

В процессе интерпретации образа фразеологизма в пространстве культурного, в том числе фольклорного, знания создается культурная коннотация фразеологизма, т. е. культурное со-значение, второй — культурный — смысл фразеологизма. Иными словами, различные пласты культурного знания, которым в

силу своей компетенции владеет каждый носитель языка, «вплетаются» в процессе восприятия фразеологизма в его значение, создавая вторую семантику фразеологизма — культурную; при этом фразеологизм как языковой знак сохраняет свое основное значение — языковое [Ковшова 2006; 2007].

Представляется, что культурная коннотация фразеологизма каждый раз осуществляется заново — ее создание формируется знанием говорящего и слушающего, которое актуализируется в процессе общения.

Поясним сказанное на примерах. Опишем языковую семантику фразеологизмов и те культурные смыслы, которые вызывает в сознании носителя языка образ фразеологизма или отдельные фрагменты данного образа.

Возьмем для рассмотрения фразеологизм *ума палата*. Его языковое значение — ‘выдающиеся умственные способности’. Имеется в виду, что тот, о ком говорится, обладает блестящим интеллектом, широким кругозором, глубокими познаниями разного характера.

Приведем примеры употребления фразеологизма. «В такие годы многие из ума выживают, а эта — наоборот. Из себя хилая, в чем душа держится, а ума — *палата*¹ и год от году все мудрее» (Г. Марков, «Сибирь»); «Самый интересный — трюмный машинист Снырев. *Ума палата*, умеет найти выход из любого положения» (А. Крон, «Из балтийских дневников»).

Энциклопедические знания, которыми владеет носитель языка, участвуют в визуализации образа; известно, что слово *палата* в древнерусском языке означало ‘большое богатое здание, поместье’: «В палатах происходили обычно всевозможные совещания, бояре в них “думали государеву думу”» [Мокиенко 2001, 585].

Образ фразеологизма как языкового знака создается совокупностью «вещной» и «пространственной» метафор, а также метонимией, при которой *ум* ‘способность мыслить’ отождествляется с телесной частью человека — мозгом, «серым веществом». Обладание таким

¹ Здесь и далее курсив в цитатах из литературных произведений принадлежит автору статьи.

веществом в большом объеме, уподобленном *палате*, осознается как несомненная ценность. «Вещная» метафора *ума*, имеющая количественные параметры и ценностные характеристики, послужила образной основой для создания многих фразеологизмов, ср.: *набираться ума, растерять последний ум, ума не купишь, пропить последний ум* и др.

Возникновение такого образного видения выдающихся умственных способностей человека родилось в народной культуре, тексты которой свидетельствуют об уподоблении ума ценной вещи, о признании ума несомненной ценностью, богатством для человека. Эти образы запечатлены в фольклорных произведениях; см., например, пословицы и поговорки: *Велико есть богатство человеку ум; Разум — душе во спасенье, Богу на славу* [Даль 1957, 430]; *Ни на меру, ни на вес, а у всех людей есть (ум)* [Даль 1957, 446]. Знание таких пословиц, загадок и поговорок, присущее в той или иной мере носителю языка, дополняет восприятие фразеологизма, создает его культурную коннотацию, позволяет «увидеть» фразеологический образ на фоне тех ценностных ориентиров, которые отразились в произведениях фольклора.

Ироническое переосмысление фразеологизма *ума палата* отражено в уступительно-противительных конструкциях типа «хоть и ума палата, но...». См., например: «Может и гений быть <женних. — М. К.>, *ума палата*, как у этой — у Кюри, но — зачем?!» (Р. Солнцев, «Имя твое единственное»). Такое употребление фразеологизма обусловлено представлениями о «большом уме», приносящем вред или никак не влияющем на благополучие его обладателя; см. в фольклоре: *Ума палата, да другая не почата* [Даль 1957, 431]; *Ума палата, а спина горбата* [Даль 1957, 441] и др. Сходное ироническое переосмысление «большого ума» отражено в значении фразеологизма *от большого ума сделать что-либо* — ‘не продумав как следует; поступить излишне самонадеянно’. Ср. в фольклоре: *От большого ума досталась сума* [Даль 1957, 433]; *Спроста, что с большого ума* [Даль 1957, 437]; *И на большие умы живет расход (оплошка, промашка)* [Даль 1957, 441].

Фольклорный «слой» знания, на фоне которого осуществляется восприятие фразеологического образа, в данном исследовании представлен «малыми» жанрами фольклора — пословицами и поговорками. Эти наиболее устойчивые и легко воспроизводимые тексты хранятся в памяти любого носителя языка, пусть в «свернутом», минимизированном виде; они усваиваются носителем языка с детства, впитываются с молоком матери, и помнятся, главным образом, потому, что являются суждениями мировоззренческого характера, максимами народной философии. По образному выражению В. И. Даля, пословицы и поговорки — «это крик или возглас, невольно сорвавшийся с души <...> это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселие, горе и утешение в лицах <...> это выстрадавшая опытная мудрость <...> судебник, никем не судимый» [Даль 1957, 18—19]. «Что не болит, то и не плачет», — гласит русская пословица; «что не дошло до народа, не касалось житья-бытья его, то не шевелило ни ума, ни сердца его и того в пословицах нет; что впуталось, добром либо лихом, в быт его, то найдете и в пословице» [Там же, 19]. «Пословицы, поговорки, присловья, прибаутки мало представляют осязательных намеков на языческие верования; но они важны, как выразительные, меткие, по самой форме своей наименее подверженные искажению образцы устной народной речи и как памятники издавна сложившихся воззрений на жизнь и ее условия. Пословицы и поговорки сливаются со всеми другими краткими изречениям народной опытности <...> примыкают к общей сумме стародавних преданий» [Афанасьев 1982, 27].

Обратимся к фразеологизму, сходному по языковому значению с первым — *семи пядей во лбу*. Языковое значение фразеологизма — «необыкновенно умный, талантливый, выдающихся умственных способностей». Имеется в виду, что тот, о ком идет речь, выделяется среди других людей большим природным интеллектом.

Приведем примеры употребления фразеологизма. «Никому не прощали <ошибок. — М. К.> и не прощают, будь ты хоть *семи пядей во лбу*» (А. Стругац-

кий, «Каким я его знал»). «На льду против тебя — команда, два десятка спортсменов. И будь ты хоть *семи пядей во лбу*, в одиночку ничего не достигнешь» (А. Якушев, «Я — спартаковец»). «Моя дочь Люба систематически получает тройки по вашему предмету. Это удивляет и настораживает. Ведь история — это не математика, тут не нужно быть *семи пядей во лбу...*» (Г. Полонский, «Доживем до понедельника»).

Энциклопедическое знание того, что *семь пядей* — мера высоты лба, а *пядь* — расстояние между концами растянутых большого и указательного пальцев, хотя и во фрагментарном, неполном или неточном виде, но присуще любому носителю русского языка. Точное знание того, что *пядь* в среднем составляет около 18—20 см, позволило бы увидеть иррациональный образ, в котором лоб человека, имеющего семь пядей, был бы высотой около полутора метров.

Однако незнание рядовым носителем языка таких подробностей не мешает ему, опираясь на явленную во фразеологизме метафору пространства, с одной стороны, и на сформированные в народной культуре представления, с другой, осознать оценку одобрения, заключенную во фразеологизме. В образ фразеологизма вкраплена числовая символика, так как в универсальном мифологическом коде число «семь» имеет «обобщенное значение большого множества» [Мелерович, Мокиенко 2001, 557], которое воспринимается в оценочных категориях «хорошо — плохо»; также в русской наивной картине мира число «семь» переосмыслено в категориях «счастье», «удача» и является своеобразным символом удачливости, везения.

Несмотря на общую позитивную оценку, уходящую корнями в древнейшие представления, данный фразеологизм обычно используется в уступительно-противительных конструкциях типа: *Будь кто-либо хоть семи пядей во лбу, но...; Не нужно быть <иметь> семи пядей во лбу, чтобы...* (см. выше примеры употребления). Действительно, большой высокий лоб как верхняя лицевая часть головы человека имеет пространственные характеристики, осознаваемые в прямой связи с объ-

емом интеллекта человека. Однако в пословицах и поговорках данные внешние характеристики лба противопоставляются его внутренним свойствам. Иронией пронизаны поговорки: *Семи пяденей во лбу, промеж глаз калёна стрела ляжет* [Даль 1957, 331]; *Лоб широк, а в голове тесно* [Даль 1957, 434]; *Лоб широк, да мозгу мало* [Там же]; *Голова с лукошко, а мозгу ни крошки* [Там же] и др. Таким образом, ограничение в употреблении фразеологизма уступительно-противительной конструкцией может быть обусловлено противопоставлением внешних качеств человека его внутренним свойствам, или его возможностям, о чем говорят многочисленные тексты пословиц и поговорок.

Следующий взятый для рассмотрения фразеологизм — *тяп-ляп* (*тяп да ляп*) — означает ‘наспех, небрежно, кое-как’. Имеется в виду, что лицо, группа лиц делают что-либо без должного старания, не проявляя усердия по отношению к своей работе, так как необоснованно считают, что стоящая перед ними задача очень простая, легкая для исполнения. Приведем примеры. «Ладно, сам знаю, что не поспею к сроку, но *тяп-ляп* делать все равно не позволю. Это наше кровное, как же можно *тяп-ляп*?» (П. Николин, «Новые дворики»); «Мост через рейд? — удивился Бородагов. — Помилуйте, разве это — легкое дело? *Тяп-ляп* — и готов мост?» (С. Сергеев-Ценский, «Севастопольская страда»).

Образ данного фразеологизма во многом основан на звуковой символике действия поведенческого типа, а также на смысловой связи со словами, обозначающими в просторечии обтесывание топором бревна, полена. См. пример обыгрывания прямого и непрямого употребления слов *тяп, ляп*: «“Вот бы теперь и написали”. — “Теперь, теперь!... Ты думаешь, что это дрова рубить? *Тяп да ляп?*”» (И. Гончаров, «Обломов»).

Образ фразеологизма обогащается его культурной коннотацией, которая возникает в результате актуализации стереотипов и эталонов, сформированных в народном мировоззрении и отраженных в текстах народной культуры. Это представление о настоящей,

подлинной работе как о труде, требующем физического напряжения, большого старания и умения, ума и таланта. Эталоном такой работы является работа мастера. См. в пословицах и поговорках: *Мастер — золотые руки* [Даль 1957, 426]; *Дело мастера боится* [Там же]; *Всякая работа мастера хвалит* [Там же]; *Не то дорого, что красного золота, а дорого, что доброго мастерства* [Даль 1957, 425].

О несомненной ценности настоящей работы, противопоставленной грубой, не требующей мастерства, выполненной с излишней спешкой, говорится в иронических, насмешливых текстах фольклора: *Будто тяп, ляп, да и клетка (да и корабль)* [Даль 1957, 430]. См. также: *Фик-фок на один бок* [Даль 1957, 510]; *Валит, как пень через колоду* [Там же]; *И не плотник, да стучать охотник* [Даль 1957, 429]; *За один раз (от одного удара) дерево не срубишь* [Даль 1957, 511]; *Как умею, так и брешу* [Даль 1957, 430]; *Делать как-нибудь, так никак и будет* [Даль 1957, 510].

Так, благодаря восприятию образа фразеологизма сквозь призму фольклорного знания «дорбатывается» собственно языковое значение фразеологизма, создается его культурная коннотация, или культурная семантика, которая участвует в создании оценочной части значения фразеологизма, а именно негативной, с выражением пренебрежения к субъекту оценки.

Значение следующего фразеологизма *души не чаять* — ‘безгранично любить; обожать, доверяя во всем’. Имеется в виду, что тот, о ком идет речь, так эмоционально расположен к другому лицу или лицам, что видит только их привлекательные черты, положительные свойства их натуры. Приведем примеры. «Денис любил сестру больше потому, пожалуй, что она была женой Матвея, в котором он *души не чаял*» (Г. Марков, «Строговы»); «Антон лечил и самого Тимошкина и его <...> жену Валу от подлинных и воображаемых болезней, и они оба *души не чаяли* в обходительном докторе» (Е. Гинзбург, «Крутой маршрут»).

Компонент фразеологизма *чаять* — устар. ‘слышать’, — вероятно, связан с *чуять* ‘распознавать, понимать чутьем’. 117

В образе фразеологизма отразилась древнейшая мифологическая форма осознания мира — анимистическая, согласно которой невозможно познать душу другого человека, проникнуть в нее. Согласно христианским представлениям, это дано лишь Богу: «Я есмь испытующий сердца и внутренности» (Ап. 2: 23); «Я смотрю не так, как смотрит человек, ибо человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце» (Царств. 16: 7). Также в образе фразеологизма отразилось архетипическое противопоставление «закрытое — открытое», соотносимое по аналогии с другой оппозицией — «тайное — явное»: в образе фразеологизма душа символизирует недоступную для восприятия область человеческой личности. Ср. сходный образ в пословицах и поговорках: *Человека видим, а души его не видим* [Даль 1957, 305]; *Что у него в руках, вижу, а что у него в душе, не вижу, не чаю* [Там же]; *Брата родного знаешь, а души его не знаешь* [Там же]; *Чужая душа — потемки; Чужая душа — темный лес, дремучий бор* [Даль 1957, 616]. Образ фразеологизма воспринимается также сквозь призму представлений о сакральности души; что нашло свое отражение в фольклоре. Ср.: *Душа — заветное дело* [Даль 1957, 304]; *Душа без тайности — пустая грамота* [Даль 1957, 305]; *Как в кремне огонь не виден, так в человеке душа* [Там же].

Таким образом, фразеологизм *души не чаать* воспринимается в пространстве культурного знания и является эталоном, мерой безграничной, беззаветной любви человека к кому-либо.

Следующий для рассмотрения фразеологизм *не бей лежачего* означает слишком легкую работу, не требующую никаких усилий, забот, хлопот. Например: «А я говорю: «Чего тебе не хватает? Работенка — *не бей лежачего*: трубку подыми, трубку положи»» (И. Гуро, «Под самой Москвой»); «Больно ударила его <летчика — М. К.> отставка, не мог примириться, что не у дел. Устроился по знакомству каким-то регистратором, работа, как говорится, “*не бей лежачего*”. А ему подавай дело — привычное, кипучее» (И. Грекова, «Хозяйка гостиницы»); «Служба у них <чиновников — М. К.> такая, *не бей лежачего*» (В. Козлов, «Юрка Гусь»).

Возникновение фразеологизма напрямую связано с правилом кулачного боя. «В Указе 1726 года оно <...> формулируется как конкретное наставление участникам кулачных поединков: “Кто упадет, лежащих никогда не били бы”» [Мелерович, Мокиенко 2001, 360]. Такое правило соотносится с противопоставлением стоячего и лежачего положения, представлением о том, что позиция лежащего символизирует его незащищенность, слабость. См. правило в детских играх: *лежачего не бьют*.

Фразеологизм возникает на метафорическом уподоблении работы такой ситуации, которая не требует от человека никаких серьезных усилий, освобождает его от каких-либо действий. В русской народной культуре образ *лежачего* отождествляется с бездельником, проводящим время в горизонтальном положении «от нечего делать», вальянии. Подобное безделье получило отражение в образах многих фразеологизмов: *лежать на печи, лежать на боку*. Ср. также отфразеологические именованья: *лежебока, лежень* ‘бездельник’. Такое представление о *лежачем* четко сформулировано в поговорках: *Лежа не работают* [Даль 1957, 501]; *Лежа нищи не добудешь* [Даль 1957, 507]. См. также насмешливо-иронические тексты поговорок: *Лежит на боку да глядит за реку* [Даль 1957, 501]; *Лежа на печи, прогладил кирпичи* [Даль 1957, 503]; *Хорошо на печи пахать, да заворачивать круто* [Там же].

Таким образом, фразеологизм *не бей лежачего* содержит явную иронию и прочитывается на фоне прямо или иронически высказанных оценок, за которыми стоит культурная установка, сформированная в русском народном мировоззрении, — человек обязан трудиться, а труд требует физического напряжения и большого старания. Эти установки составляют культурную семантику таких широко известных фразеологизмов, как *в поте лица, от зари до зари, не покладая рук* и др. Благодаря своей культурной семантике фразеологизм *не бей лежачего* передает иронически выраженное стереотипное представление о мечте каждого лодыря и бездельника.

Представляется, что даже фразеологизмы, возникшие в результате заимствования, в том числе калькирования, из другого языка, из другой культуры, включаются в процесс их осмысления в пространстве русской культуры, прежде всего, в таком ее базовом пласте, как народная культура, а именно в ее фольклорном «слое».

Рассмотрим в качестве такого, иноязычного по происхождению, примера фразеологизм *без <безо> [всякой] задней мысли* говорить, делать что-либо. Его значение — ‘без скрытого, тайного умысла’. Имеется в виду, что человек, о котором говорится (субъект действия) не имеет какого-либо скрытого замысла, не хитрит, не желает ничего утаить; воспринимает все прямо, бесхитростно, не усматривая каких-либо тайных намерений. Вариант фразеологизма — *задняя мысль* — ‘скрытый, тайный умысел’. Имеется в виду, что человек хитрит, утаивает что-либо, обычно в корыстных целях.

Приведем примеры употребления фразеологизмов. «Я тоже на нее сильно обижался, даже не на окрик, а на то, что меня заподозрили в «нарочном», а я был совсем *без задней мысли*, никогда бы ничего не сделал назло или нарочно...» (А. Битов, «Прощальные деньки»); «И дальше <офицер — М. К.> принимался рассказывать, как был на фронте и какие видел зверства. Говорил он все это *безо всякой задней мысли*, вовсе не с тем, чтоб напугать меня или “перевоспитать”, а просто по доброте душевной» (В. Буковский, «И возвращается ветер»); «Всегда в ней было что-то невысказанное, какая-то расчетливая *задняя мысль*, которую она старательно прятала и которая была все-таки видна в каждом слове» (В. Каверин, «Открытая книга»); «У меня нет мелких планов, тщедушных соображений, нет *задних мыслей* и хитростей» (А. Грин, «Блестящий мир»).

Происхождение фразеологизма связано с выражением «из драмы французского драматурга Детуша [настоящее имя — Ф. Нерико] “Мот” (Расточитель, д. 5, явл. 9 — 1736 г.). В русском языке — калька с фр. *agiere-pensee*; известная с XVIII в.» [Мелерович, Мокиенко 2001, 427]. Это не мешает носителю русского

языка осознавать образ фразеологизма сквозь призму как универсальной, так и русской, в том числе народной, культуры.

Образ фразеологизма восходит к древнейшему универсальному противопоставлению «задний, последний — передний, первый», а также к связанному с ним противопоставлению «скрытый, тайный — открытый, явный». Эти противопоставления переосмыслены в этических категориях культуры как «дурное — хорошее»; «запретное — разрешенное».

В образе фразеологизма компонент *задняя* выступает как символ чего-то скрываемого, обычно злого, коварного намерения. Это осмысление возникает на фоне сформированных в русской, в том числе и народной культуре, представлений о том, что одной из характеристик зла является затаенность. См. отражение этого представления в пословицах и поговорках: *Передом кланяется, боком глядит, задом щупает; Спереди бы любил, а сзади бы убил; Спереди лижет, а сзади царапает* [Даль 1957, 662]. Ср. также фразеологизмы, в которых образ чего-либо, расположенного сзади, и смысл ‘зло, опасность’ также оказываются взаимосвязанными: *держат камень за пазухой; за глаза* говорить о ком-либо и др.

В народном мировоззрении открытость приравнивается к таким нравственным установкам, как честность, порядочность, доброжелательность, и противопоставляется хитрости, лукавству, коварству — любому отклонению от прямодушных мыслей и действий.

«Чужой» по происхождению фразеологизм *без задней мысли* воспринимается на фоне культурных установок, отраженных в фольклоре; отсутствие у человека задней мысли оценивается с опорой на сформированные в русской культуре представления. Тем самым, фразеологизм *без задней мысли* становится атрибутом открытости, прямоты в действиях кого-либо.

Не собственно русским по происхождению, а калькой с латинского оборота «*sibi in mente*, употреблявшегося римскими писателями» [Мелерович, Мокиенко 2001, 748] и известным в русском языке с XVIII века, является фразеологизм *себе на уме*. Его языко-

вое значение — ‘скрытный; расчетливый, хитрый; заботящийся только о собственной выгоде’.

Приведем примеры употребления. «Охотно поддакивал отцу, а за душой таил другое, свое. Братья понимали, что Ефим *себе на уме*» (В. Шукшин, «Любавины»); «Он и плут, и холуй, и шельма, и хозяина своего при этом ненавидит; человек со способностями, не лишен обаяния, *себе на уме*, в нем есть и что-то доброе, но и взятку примет не моргнув» (Э. Рязанов, «Неподведенные итоги»); «Вообще Куник Глебову не нравился. Он был какой-то очень молчаливый, неприветливый, болезненный и *себе на уме*» (Ю. Трифонов, «Дом на набережной»).

Образ фразеологизма воспринимается сквозь призму универсальной, одной из древнейших — архетипических — форм осознания человеком целостности его личного, «своего», пространства. Фразеологизм создается пространственной метафорой, в которую вкраплена синекдоха: *ум* в образе фразеологизма, по аналогии с *головой*, обозначает пространство, в котором происходит мыслительная деятельность человека. См. выражения *брать/взять на ум, держать в уме, и на уме не бывало* и др., см. также отражение этого образа в фольклоре: *Держи на уме, коли есть на чем* [Даль 1957, 442]; *У дурака что на уме, то и на гуме (пусто)* [Даль 1957, 435]; *Ум не в бороде, а в голове* [Даль 1957, 238]; *Дураку всё смех на уме* [Даль 1957, 443] и др.

Компонент фразеологизма *себе* выражает смысл осуществления деятельности, направленной на утверждение *самости*, на удовлетворение собственных интересов. Такая деятельность иронически осуждается в народе, и существующие пословицы и поговорки, известные в той или иной мере носителю языка, фрагментарно или ассоциативно «вспыхивающие» в его сознании при восприятии и воспроизведении фразеологизма, участвуют в создании культурной семантики фразеологизма.

Эти пословицы и поговорки включены В. И. Далем в рубрику «Прямота — лукавство»; ср.: *Немогузнайка себе на уме; Он себе на уме* [Даль 1957, 661].

120 См. также: *Криворотый себе на уме* [Даль

1957, 312]; *Всякий хлопочет, себе добра хочет* [Даль 1957, 607]; *Всяк Аксён про себя умён* [Даль 1957, 440]; *Кто по ком, а мы по себе* [Даль 1957, 607]; *Всякая рука к себе загребает* [Там же]; *Всяк сам себе дорожке* [Там же]; *Собинка всего дорожке* [Там же] и др.

Согласно нашей гипотезе говорящий и слушающий в процессе общения воспринимают языковое значение фразеологизма, данное в его словарной дефиниции. В то же время на сознание носителя языка оказывает свое метафорическое воздействие образ фразеологизма, который «будит», актуализирует не только мгновенное чувственное отождествление происходящего с тем, чему это происходящее уподоблено, но и культурное знание человека, в том числе такой его важный пласт, как представления народной культуры. Восприятие фразеологизма *себе на уме* в целом осуществляется на фоне культурных установок и оценок, выраженных в фольклоре: *Люби собинку, люби и особинку* [Даль 1957, 618]; *Самолуб никому не люб* [Даль 1957, 618]; *Не все для себя, ино место и для других* [Даль 1957, 618] и др.

Тем самым, фразеологизм *себе на уме*, помимо языковой, основной его семантики, приобретает семантику культурную и выполняет не только языковую, но и культурную функцию — данный фразеологизм является эталоном, т. е. мерой, скрытности и расчетливости в человеке.

Проведенное исследование показывает, что фольклорное знание, рассмотренное в статье на примере пословиц и поговорок — наиболее устойчивого фрагмента в культурной памяти носителя языка, — представляет собой определенный «слой» в семантике фразеологизмов. Фольклорный «слой» является своеобразной культурной стратой сознания, позволяющей воспринять языковой знак во всей полноте его образно-ассоциативного фона, имеющего народные корни. Древнейшие представления человека о мире, получившие свое отражение в фольклоре, сохраняют свои следы в современной социально упорядоченной системе поведения и деятельности, развиваются в художественной литературе и искус-

стве. Фольклорное знание — базисный пласт культурного знания, один из важнейших среди тех, что составляют культурный фон, на котором осознается «фигура» фразеологизма.

Литература

Афанасьев 1982 — *Афанасьев А. Н.* Происхождение мифа, метод и средства его изучения // *Древо жизни. Избранные статьи.* М., 1982. С. 21—37.

Гак 1972 — *Гак В. Г.* К проблеме общих семантических законов // *Общее и романское языкознание.* М., 1972. С. 144—157.

Гудков, Ковшова 2007 — *Гудков Д., Ковшова М.* Телесный код русской культуры. Материалы к словарю. М., 2007.

Даль 1957 — *Даль Вл.* Пословицы русского народа. М., 1957.

Ковшова 2004 — *Ковшова М. Л.* *Ни кола ни двора:* образ бездомного в русском фольклоре и фразеологии // *Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках.* М., 2004. С. 208—220.

Ковшова 2006 — *Брилева И. С., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Зыкова И. В., Кабакова С. В., Ковшова М. Л., Красных В. В.* Большой фразеологический словарь. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М., 2006.

Ковшова 2007 — *Ковшова М. Л.* О репрезентации культурных смыслов во фразеологии // *Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний.* М., 2007. С. 224—232.

Мелерович, Мокиенко 2001 — *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 2001.

Мокиенко 2001 — Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / отв. ред. Мокиенко В. М. СПб., 2001.

Скляревская 2004 — *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 2004.

Телия 1985 — *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1985.

Телия 1996 — *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Телия 1999 — *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // *Фразеология в контексте культуры.* М., 1999. С. 13—24.

Толстой, Толстая 1993 — *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. *vessel-). // *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации.* М., 1993. С. 162—186.

Н. Е. МЕЛЬНИКОВА
(Москва)

О ПЕРСПЕКТИВАХ КОММУНИКАТИВНОГО АНАЛИЗА ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Пословицы и поговорки — одни из древнейших жанров фольклора, которые, в отличие от многих других, дожили до наших дней. Они являются предметом изучения разных научных дисциплин: фольклористики, паремологии, этнографии, фразеологии¹.

Одним из новых подходов к изучению пословиц и поговорок является коммуникативный подход, подразумевающий изучение возможностей реализации текстов этих жанров в процессе коммуникации. При этом, анализируя конкретный материал, можно выделить функции пословиц и поговорок, противопоставляющие эти жанры другим малым жанрам фольклора².

1. Оценочно-характеризирующая функция заключается в том, что текст выражает положительную или отрицательную оценку какого-либо человека, явления, ситуации (причем эта оценка присутствует в пословице изначально, независимо от контекста). Например:

«Устинья Наумовна. *Уж я вас, золотые, распечатаю: будете знать! Я вас так по Москве-то расслаблю, что стыдно будет в люди глаза показать! Ах, я дура, дура, с кем связалась! Даме-то с званием, с чином... Тьфу! Тьфу! Тьфу!* (Уходит.)

Подхалюзин. *Ишь ты, расходилась, дворянская-то кровь! Ах ты, господи!*

¹ В разделе фразеологии пословицы изучаются теми учеными, которые понимают объем фразеологии широко, то есть включают в него кроме собственно фразеологизмов также пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые слова и т. д. К числу таких фразеологов принадлежат Архангельский В. Л., Шанский Н. М., Смирницкий А. И. и др.

² Под функцией мы понимаем «предназначенность элемента» (в нашем случае текста пословицы или поговорки) «к определенному способу существования в системе» [Золотова, Ониненко, Сидорова 1998, 45].